

Российская Академия Наук
Институт философии

ЭТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

Москва
2000

Содержание

Предисловие	3
<i>А.А.Гусейнов</i>	
Этика и мораль в современном мире	4
МОРАЛЬ И КУЛЬТУРНО-ФИЛОСОФСКИЕ ТРАДИЦИИ	
<i>Г.А.Ткаченко</i>	
Формирование этических идей в Китае	16
<i>В.К.Шохин</i>	
Нравственное и этическое в индийских мировоззренческих текстах	32
<i>А.В.Смирнов</i>	
Нравственная природа человека: арабо-мусульманская традиция	46
<i>А.Л.Доброхотов</i>	
Эпохи европейского нравственного самосознания	70
<i>П.П.Гайденко</i>	
Нравственная природа человека в европейской традиции XIX–XX вв.	88
<i>В.Н.Назаров</i>	
Опыт хронологии русской этики XX в.: первый период (1900–1922)	107
МОРАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ	
<i>Л.В.Максимов</i>	
Этический объективизм: основные концепции и подходы	132
<i>А.И.Бродский</i>	
Нормативная этика: от объективизма к конструктивизму	148
<i>А.В.Прокофьев</i>	
Нравственность и свобода воли (Кант – Шопенгауэр – Фейербах)	159
<i>Р.Г.Апресян</i>	
От «дружбы» и «любви» – к «морали»: об одном сюжете в истории идей	182
<i>О.В.Артёмьева</i>	
Этика заботы: феминистская альтернатива классической философии	195

А. И. Бродский

Нормативная этика: от объективизма к конструктивизму

Во все века проповедовалось много прекрасной морали, но обоснование ее всегда было неудачным.

А. Шопенгауэр «Об основе морали»

Повеления без оснований составляют только обнаружение воли сильного, который требует повиновения от беспомощного.

И. Бентам. Из письма Александру I

Может ли нормативная этика — т.е. этика, которая не только описывает и объясняет факты нравственной жизни общества, но и сама постулирует определенные нормы и принципы морали — быть наукой? Большинство современных философов и логиков дает отрицательный ответ на этот вопрос. По их мнению, нормативная этика не может быть наукой, потому что ее суждения не могут быть научно (логически правильно) обоснованы. Для подобного скепсиса имеется достаточно оснований, и основания эти известны с древнейших времен.

Наверное, софисты первыми стали говорить, что в мире нет ни добра, ни зла и что, следовательно, невозможно выводить нравственные требования из природы вещей. Можно сказать, что с этого утверждения началось самостоятельное моральное мышление, подорвавшее ту стихийную нравственность, которая без всякого размышления связывала индивида с законами, нравами и обычаями его народа. Мысль, что нет ничего, что было бы само по себе хорошо или плохо, явилась у софистов результатом наблюдения за разнообразием и частой сменой того, что должно считать нравственным и справедливым. Если бы понятия о добре и зле, справедливом и несправедливом вытекали из природы вещей, они были бы неизменными, но поскольку это не так, постольку все этические понятия суть человеческие установления и могут быть изменяемы в зависимости от благоусмотрения общества.

Независимость практических решений от теоретических истин была очевидна для Аристотеля. Он упрекает Платона за то, что тот смешал и связал добродетель со своим учением о высшем

блага. «Это благо не имеет отношения к добродетели как таковой, — говорит Аристотель. — Ведя речь о бытии и об истине, он не имел оснований говорить о добродетели, поскольку они не имеют с нею ничего общего» (ММ, 1182а, 25-30). Согласно Аристотелю, имеют значение не теоретические обоснования добродетели, а скорее психологические условия ее формирования (представления о счастье как высшей цели; представления о мере как средстве достижения счастья и т.п.), которые, в свою очередь, определяются окружающей человека социальной средой или государством. Поэтому этику Аристотель относил не к сфере теоретического знания, а к сфере политической мудрости.

В XVIII в. Д.Юм советовал обратить внимание на то, что во всех этических трактатах обычно употребляемая связка «есть — не есть» незаметно подменяется связкой «должно — не должно». На самом деле, нет никакой логической возможности перейти от утверждений со связкой «есть» к утверждениям со связкой «должно». «Уверен, — писал Юм, — что этот незначительный акт внимания опроверг бы все обычные этические системы и показал бы нам, что различие порока и добродетели не основано исключительно на отношениях между объектами и не познаются разумом»¹. Познание Юм однозначно связывал с открытием фактов, а поскольку никаких «моральных фактов» не существует, постольку, по его мнению, мораль должна быть отнесена к сфере иррациональных эмоций.

Наконец в XX в. Дж.Э.Мур доказал, что все рассуждения о том, что есть истинное добро или в чем состоит подлинное счастье, обречены на провал, так как изначально основаны на ошибочном приравнивании значения этических терминов к свойствам объективных явлений, которые почему-либо уже считаются ценными. Мур назвал эту ошибку «натуралистической»: «если смешивать «добро», которое не является в собственном смысле каким-то естественным предметом, с любым естественным предметом, тогда есть причина назвать это натуралистической ошибкой»². В то же время Мур настаивал, что никаких иных, «безошибочных», способов определить, что есть добро, не существует. И хотя сам Мур склонялся к возможности интуитивного знания добра, его последователи среди логических позитивистов (Р.Карнап, А.Дж.Айер, Ч.Стивенсон) пришли к однозначному выводу, что этические термины не обладают значением, являясь лишь выражением эмоций и выполняют в языке те же функции, что и междометия.

Итак, софисты, Аристотель, Юм, Мур, а также многие другие мыслители прошлого и настоящего утверждают, что нет никакой возможности совершить логический переход от утверждений о сущем к утверждениям о должном, от дескриптивных (информативных) суждений к суждениям прескриптивного (предписывающего) характера. «Можно считать твердо установленным, — пишет современный автор (Л.В.Максимов), — что правильное логическое обоснование морали, то есть дедуцирование моральных суждений из неморальных, невозможно. Это — не «точка зрения» Юма или Мура, с которой можно спорить. Это — проявление логических законов, столь же непреложных, как законы природы»³. В философском плане этот логический закон говорит о том, что ценности и нормы не являются чем-то объективным, и что выражающие их суждения не могут быть ни истинными, ни ложными.

И тем не менее вопреки «непреложному логическому закону» этическая мысль постоянно возвращается к попыткам найти объективные основы нравственности. Совершалось это по одной и той же схеме.

Во времена софистов появляется Сократ, который, как и софисты, скептически относится к метафизике, однако в отличие от них считает, что в нравственной сфере возможно абсолютное и достоверное знание, и это дает толчок для развития платонизма, в котором нравственные требования выводятся из объективно существующих идей-архитипов.

Вслед за Аристотелем Эпикур полагает, что в основе добродетели лежит стремление к счастью. Однако, в отличие от Аристотеля, он не сомневается, что у всех людей при любых обстоятельствах представления о счастье одинаковы. И в философии стоиков это убеждение превращается в идею, согласно которой нравственность есть лишь частное проявление объективного закона природы.

Вслед за Д.Юмом И.Кант утверждает, что нравственные требования нельзя вывести ни из метафизического знания, ни из божественного откровения, ни из эмпирических фактов. Однако, уже в отличие от Юма, Кант полагает, что нравственный закон обладает таким же всеобщим и необходимым характером, как и теоретическая истина. И это дает повод для объективации морали в философии Шеллинга и Гегеля.

Таким образом, развитие этики можно представить следующим образом: критика нравственного объективизма приводит к идее автономии морали и к нравственному релятивизму; затем в

рамках автономной морали пытаются найти нормы, обладающие свойствами теоретической истины (всеобщностью и необходимостью); а нравственная норма, которая описана как теоретическая истина, дает повод рассматривать ее в качестве отражения чего-то существующего в объективной действительности. Этическая мысль постоянно возвращается на «круги своя».

В XX в. существенных изменений в этике не произошло. Многовековая критика нравственного объективизма не возымела результатов. По-прежнему влиятельны различные формы натурализма, утилитаризма, интуитивизма. По-прежнему наибольшим авторитетом пользуется религиозное обоснование морали. Таким образом, в современной моральной философии либо вообще отрицается возможность обоснования морали и допускается этический релятивизм⁴, либо используются традиционные, известные по крайней мере с XIX в. формы такого обоснования. Впрочем, существует и третья, промежуточная точка зрения, отрицающая и возможность обоснования морали, и нравственный релятивизм. В нашей литературе эта точка зрения наиболее убедительно изложена в уже цитированной книге Л.В.Максимова.

Согласно Л.В.Максимову, «разумно обосновать моральные принципы невозможно и практически ненужно»⁵. По его мнению, признание необоснованности морали не ведет к моральному релятивизму, так как единство моральных принципов является не «метафизическим», а фактическим, то есть складывается в повседневной моральной практике, а не доказывается мыслителями-теоретиками. Таким образом, Максимов относит нормативную этику к прерогативе обыденного сознания и признает права теоретического сознания лишь в сфере метаэтики, то есть в сфере логического, лингвистического и социологического анализа уже сложившейся нравственности.

Л.В.Максимов, по-видимому, придерживается того традиционного (романтического по своим истокам) взгляда на культуру, согласно которому развитие культуры идет, так сказать, «снизу вверх», от коллективного сознания народных масс к своему рефлексивному выражению в теоретической и художественной деятельности. С этой точки зрения религиозная проповедь, моральная философия, жизнеучительная литература суть различные формы рефлексии над обыденным моральным сознанием той или иной эпохи. Недостаточность такого подхода, на мой взгляд, состоит в том, что он исключает сознательное творчество в сфере нравственности, делает необъяснимым возможность моральных

нововведений и по сути дела отрицает существование нравственного прогресса. Но факты истории свидетельствуют, что такой прогресс существует. Будда и Конфуций, Моисей и Иисус Христос не рефлексировали над уже сложившейся в народе нравственностью, а создавали новые принципы и нормы человеческой жизни, «открывали» иную, ранее неведомую людям жизнь. И сейчас у нас нет никаких оснований считать, что нормы и принципы, по которым мы живем, являются наилучшими из возможных. Если бы люди в своей нравственной жизни ориентировались лишь на то, что уже существует в обыденном сознании, они никогда не вышли бы из состояния дикости.

Несколько иную позицию по отношению к обоснованию морали занимает в наши дни А.А.Гусейнов. Согласно Гусейнову, в истории постоянно имеют место нравственные конфликты. Моральные кодексы различных культурных и социальных групп, приходя в соприкосновение друг с другом, неизбежно конфликтуют, и в таких ситуациях возникает необходимость в, говоря словами И.Канта, «арбитражной функции философского разума». При этом возможны различные этические стратегии: догматическая, которая объявляет истинными одни кодексы и отвергает другие; релятивистская, которая вообще ставит под сомнение существование единой морали. Но главной стратегией в истории европейской морали была критическая стратегия, в результате которой конфликтующие кодексы поведения интерпретировались как равноценные, нравственно нейтральные и вырабатывалось более широкое понимание морали. Таким образом, нравственный прогресс, согласно Гусейнову, состоит во все большем детабуировании социальных норм, нарастании эмансипации человека от морального диктата и одновременно в выявлении подлинной, всеобщее-необходимой сущности морали. «В реальном историческом опыте, — пишет он, — происходил и происходит процесс уточнения собственных границ морали, в ходе которого выясняется, что мораль имеет более всеобщую и устойчивую природу, чем каждый раз принято думать»⁶.

С приведенными соображениями нельзя не согласиться. Однако надо заметить, что нравственный прогресс состоит не только в нравственном детабуировании некоторых социальных норм, но и в создании новых «табу», новых кодексов морали. Человечество стало более не терпимо ко многим явлениям жизни, которые еще несколько веков назад казались само собой разумеющимися: к пыткам, к мучительным видам казней, к уничтожению мирного

населения во время войн и т.п. А в наши дни в сфере медицины, экологии, демографии вырабатываются такие нормы, о которых еще сто лет назад никто не мог и подумать. Таким образом, нравственный прогресс состоит не только в расширении морали, но и в ее «сужении», в определенном нормотворчестве.

Итак, не следует отказываться от нормативной этики как самостоятельной теоретической деятельности. Однако именно к этому подводит ситуация, которая сложилась в этой дисциплине. Ситуацию, когда либо вообще отрицается возможность существования какой-то дисциплины, либо в этой дисциплине используются методы, логическая несостоятельность которых давно доказана, нельзя назвать иначе как ситуацией кризиса. В XX в. аналогичный кризис пережили многие науки: математика, физика, психология, история. В результате в этих науках произошла революционная смена парадигм. В нормативной этике кризис оказался затяжным. И возможности этой науки в будущем необходимо связать с радикальным изменением характерных для нее методов рассуждения и представлений о своем предмете. Какова может быть общая направленность этих изменений? Попробую сделать некоторые предположения на основе аналогии.

В начале XX в. кризисная ситуация сложилась в математике. Казавшийся ранее незыблемым фундамент математического знания был разрушен открытием парадоксов теории множеств. В результате сложились три программы выхода из кризиса — логицизм (Г.Фреге, Б.Рассел, А.Уайтхед), формализм (Д.Гильберт), интуиционизм (Л.Э.Я.Брауэр, Г.Вейль, А.Гейтинг) — каждая из которых представляла собой переосмысление обоснования математики. В рамках настоящей статьи нет ни возможности, ни необходимости рассказывать об истоках этого кризиса, раскрывать суть найденных парадоксов или описывать содержание всех трех программ. Однако на последней программе — интуиционизме — следует остановиться, так как высказанные здесь идеи имеют, как мне кажется, некоторое отношение к этике.

Основной тезис интуиционистов гласил, что существование в математике — это то же самое, что конструктивность или «построимость». «В изучении умственных математических построений, — писал А. Гейтинг, — «существовать» должно означать то же самое, что и «быть построенным»⁷. Математические объекты не даны все сразу и не существуют реально, подобно, например, физическим объектам. Все они — результаты процессов построения, осуществляемых посредством определенных конструктивных опе-

раций. Всякое иное понимание существования в математике объявлялось интуиционистами «метафизикой», не имеющей никакого отношения к математическому знанию. Причем, по их мнению, эти конструктивные операции являются мыслительной активностью, не зависящей ни от языка, ни от логики. Поэтому невозможно ни свести математику к логике, что пытались сделать сторонники логицизма, ни истолковать математику как язык математических символов, на что претендовали формалисты. Язык и логика являются, согласно интуиционистам, не средствами обоснования математических истин, а лишь средствами их сообщения. Единственным средством обоснования в математике являются построения. Эти идеи интуиционизма получили развитие в отечественной конструктивной математике А.А.Маркова, Н.А.Шанина и др., где понятие о конструктивных процессах было уточнено с помощью теории алгоритма.

Важнейший аспект интуиционистской (конструктивистской) математики заключался в переосмыслении понятия бесконечности. Бесконечность, утверждали интуиционисты, никогда не должна рассматриваться как законченная целокупность. Например, утверждение, что существует бесконечно много натуральных чисел, вовсе не означает, что все натуральные числа существуют сами по себе в какой-то области «идеальных объектов». Скорее всего это утверждение означает, что для любого натурального числа мы можем установить большее число, например, прибавив к первому единицу. Поэтому интуиционисты отвергли абстракцию *актуальной бесконечности* и заменили ее абстракцией *потенциальной осуществимости*, то есть вместо идеи завершенной бесконечности выдвинули идею бесконечности становящейся.

Хотя интуиционисты не придавали большого значения логике, в 1930 году А.Гейтинг построил формально-логическую систему, которая может применяться в конструктивной математике. Особенность интуиционистской (конструктивной) логики состоит в том, что в ней не всегда действуют некоторые законы классической логики: закон исключенного третьего, закон двойного отрицания, закон приведения к абсурду. Так, закон исключенного третьего, верный в случае конечных множеств, не действует в случае бесконечных множеств. По отношению к находящимся в становлении бесконечным множествам невозможно определить, какова будет последующая альтернатива, и, следовательно, если не удалось найти элемента с требуемыми свойствами, ни утверждение о существовании такого элемента, ни отрицание этого утвер-

ждения не является истинным. Согласно интуиционистам, логические законы не являются независимыми от того, к чему они применяются.

В нашей литературе уже высказывалась мысль, что выводы интуиционизма и конструктивизма имеют значение не только для математики, но и для конструктивных процессов любого рода: технического творчества, искусства, экономической и правовой деятельности и т.д.⁸. А известный отечественный логик и математик А.С.Есенин-Вольпин предлагает использовать некоторые принципы интуиционизма даже в обосновании естественнонаучного знания. Согласно ультраинтуиционизму (именно так Есенин-Вольпин называет свою программу), поскольку никакие естественнонаучные утверждения не являются абсолютными истинами, в обосновании научного знания понятие *несомненности* должно быть заменено понятием *неоспоримости*. Доказательством суждения является любой «честный прием», делающий это суждение неоспоримым, причем особую роль Есенин-Вольпин отводит применению определений. «При всей логической запутанности этих проблем, — пишет он, — существует по крайней мере один честный — т.е. свободный от насилия и обмана — прием, делающий многие суждения неоспоримыми. Это — применение определений, к какой бы области они ни относились. Поскольку *сукой*, по определению, называется самка собаки, а связка есть, тоже по определению, означает названа, утверждение *самка собаки есть сука* считается истинным в силу этих определений... При всей тривиальности этого примера здесь все же истина принимается на основании честного приема, делающего суждения неоспоримыми, и этот прием... я предлагаю считать доказательством этого суждения»⁹. Из приведенной цитаты видно, что основания наук Есенин-Вольпин усматривает в номинальных, а не реальных определениях. Ультраинтуиционистская программа обоснования научного знания с неизбежностью влечет за собой своеобразный ультраноминализм.

Я не берусь судить, насколько интуиционизм применим в обосновании естественных наук. Но к этике интуиционистские и конструктивистские программы имеют, на мой взгляд, прямое отношение. Математика и этика схожи по крайней мере в одном: объекты обеих дисциплин не являются «метафизическими» сущностями и не существуют в реальности, подобно физическим объектам. В обоих случаях речь идет о результатах конструктивных процессов. В этике, как и в математике, «существовать» оз-

начает «быть построенным». Поэтому допустимо предположить возможность создания *конструктивной нормативной* этики. В свете современных представлений старинная Спинозовская идея обоснования этики математическим способом не кажется наивной и абсурдной.

Основная ошибка как сторонников обоснования морали, так и тех, кто в принципе отрицает возможность такого обоснования, состоит в отождествлении обоснования с объективностью и истинностью. Как справедливо отмечает крупнейший представитель современной английской философии морали Р.Хэар, ошибочно считать, что «разум проявляет себя только через познание, т.е. установление фактов или открытие истин», и что «быть рационалистом в понимании морали — значит непременно быть дескриптивистом (т.е. верить в то, что существуют моральные факты, которые подлежат познанию)»¹⁰. Впрочем, сам Хэар так и не отвечает на вопрос, каким же должно быть рациональное обоснование морали, ограничиваясь общим пожеланием «по мере сил... развивать свои мыслительные способности, ибо у нас нет другого надежного руководителя и авторитета, помимо собственного разума»¹¹. Но опыт конструктивной математики как раз и показывает, как возможна недескриптивная наука, наука, в которой не мысли надо привести в соответствие с объектом, а объект в соответствие с мыслями о нем¹², в которой объект как предмет познания вводится нами посредством определения.

Важнейшим положением конструктивной этики должен стать тезис, согласно которому определения основных нравственных понятий являются не реальными, а номинальными определениями. Утверждение «добро есть удовольствие и отсутствие страданий» (И.Бентам) является неоспоримым в том же смысле, в каком неоспоримо утверждение «сука есть самка собаки», т.е. оно является неоспоримым в силу принятых определений. С этой точки зрения, критика Дж.Э.Муром содержащейся в этических рассуждениях «натуралистической ошибки» бьет мимо цели. Ошибка самого Мура состояла в том, что он не учел номинальный характер определений в этике. Как справедливо отмечает Л.В.Максимов, «невозможность реальных определений добра не служит препятствием для номинальных определений. И сколько бы ни иронизировал Мур по поводу, никчемных, как ему кажется, дефиниций, фиксирующих «человеческие представления о добре», сам он в своей критике различных этических концепций фактически опирается на общечеловеческое понимание морально доброго»¹³. Неизбежность номинализма в этике более очевидна, чем неизбежность номинализма в естественных науках.

Аналогом математической конструктивности в этике должно стать понятие *выполнимости*. Существование нормы определяется ее выполнением; не может существовать нормы, которая не могла бы быть выполнена. Поэтому выполнимость следует рассматривать как доказательство нормы. Причем речь идет не только о физической возможности осуществления предписанного действия, но и о его согласованности (непротиворечивости) с уже существующими моральными предписаниями. Невыполнимой должна считаться такая норма, выполнение которой исключает выполнение какой-либо уже устоявшейся нормы. А кодекс, в котором выполнение одной нормы исключает выполнение другой, должен считаться противоречивым.

Важнейшим следствием такого подхода к этике должна стать замена традиционной абстракции *всеобщности (общезначимости) и необходимости* моральных требований абстракцией их *потенциальной выполнимости*. Если абстракция всеобщности и необходимости моральных норм соответствует установкам этического догматизма, призывающего к выполнению долга не взирая на обстоятельства, а ее отрицание ведет к релятивизму, допускающему возможность существования взаимоисключающих нравственных ориентаций, то абстракция потенциальной выполнимости отвечает идеалу *ситуативной этики*, предполагавшей «гибкое» применение норм в зависимости от обстоятельств.

Наконец, особо следует отметить, что в этике, как и в любой другой конструктивной дисциплине, не всегда действует закон исключенного третьего. Часто мы не можем утверждать ни что некое действие всегда является морально хорошим, ни что оно никогда не является таковым. Иными словами, в этике имеют место такие ситуации, когда ни суждение, утверждающее данную норму, ни отрицание этого суждения нельзя считать истиной.

Разработка конструктивной нормативной этики — дело будущего. Сейчас важно подчеркнуть лишь принципиальную идею. Пора перестать смотреть на моральные требования как на объективные законы жизни, «подаренные» нам Богом, Природой или Историей. Никто нас ни к чему не обязывает. Нравственные нормы — такое же изобретение человечества, как, например, велосипед. И нет необходимости ни выбрасывать велосипед на свалку, ни отказываться от создания более совершенных видов транспорта... В свое время Н.А.Бердяев писал: «Свобода есть... не выбор между поставленными передо мною добром и злом, а мое созидание добра и зла»¹⁴. В конструктивной этике эта интуиция Бердяева может получить рациональное выражение.

Примечания

- ¹ Юм Д. Трактат о человеческой природе // Юм Д. Соч.: В 2 т. Т. I. М., 1965. С. 618.
- ² Мур Дж.Э. Принципы этики. М., 1984. С. 71.
- ³ Максимов Л.В. Проблема обоснования морали: логико-когнитивные аспекты. М., 1991. С. 8.
- ⁴ К направлениям, отрицающим возможность обоснования морали, следует отнести и основанную Ч.Перельманом школу «неориторики», в которой обоснование морали сводится к риторическому воздействию на сознание, то есть к суггестии. См.: *Perelman Ch. Justice, law and argument*. Dordrecht, Boston, London, 1980.
- ⁵ Максимов Л.В. Проблема обоснования морали. С. 12.
- ⁶ Гусейнов А.А. Обоснование морали как проблема // Мораль и рациональность. М., 1995. С. 61.
- ⁷ Гейтинг А. Интуиционизм. Введение. М., 1965. С. 10.
- ⁸ См.: Бродский И.Н. О специфике технического знания // Философские науки. 1981. № 3; его же: Техническое знание и конструктивные процессы // Творческая природа научного познания. М., 1984.
- ⁹ Есенин-Вольпин А.С. Об антитрадиционной (ультраинтуиционистской) программе оснований математики и естественнонаучном мышлении // Вопросы философии. 1996. № 8. С. 101.
- ¹⁰ Хэар Р. Как же решать моральные вопросы рационально? // Мораль и рациональность. М., 1995. С. 9.
- ¹¹ Там же. С. 21.
- ¹² С точки зрения логической семантики дескриптивные суждения отличаются от суждений прескриптивного характера, к которым относятся все суждения этики, тем, что в случае дескриптивов необходимо слова привести в соответствие с миром, а в случае прескриптивов – мир в соответствие со словами о нем. См.: *Searl J. Expression and meaning*. Cambridge, 1979. P. 3-4.
- ¹³ Максимов Л.В. Проблема обоснования морали. С. 80.
- ¹⁴ Бердяев Н.А. Самопознание. Л., 1991. С. 70.